

Геннадий Малашин

Призвание — исцелять

Памяти Жанны Николаевны Владишевской

...Как любой дом, «дом Касьяновский» за десять лет своего существования, да и за предыдущие десятилетия, когда о нём мы ещё только мечтали, собрал в своих бревенчатых стенах множество удивительных историй. Он бережно хранит память о людях, которые помогли создавать и строить его, и они всегда становились после знакомства с ними «касыяновцами».

Мы добрым словом вспоминаем потомков наших красноярских купцов-благотворителей, Ирину Лазаревну Боброву (Матвееву-Кузнецову) и Алексея Леонидовича Юдина. Правнучка Петра Ивановича Кузнецова и внук Геннадия Васильевича Юдина, они ещё в далёких девяностых и в начале двухтысячных вместе с нами размышляли о таком общем для всех красноярцев Доме, который ещё и названия-то тогда не имел... Именно они возвращали в нас, своих молодых тогда ещё друзей, чувство любви к истории города, губернии, пестовали в нас памятьливость и преданность малой родине... Я помню наш первый плёночный фотоаппарат, купленный на сбережённые внучкой основателей Красноярского краеведческого музея пенсионерские деньги. Я помню непрестанную поддержку и помощь внука библиофила Юдина...

Сербский поэт, режиссёр и общественный деятель Мирослав Белович и сибирский просветитель, литературный критик и профессор Галина Максимовна Шлёнская — с ними связана счастливая, хоть и короткая, судьба прямого предшественника «Касьяновского дома» — «дома Славянского» всё в те же далёкие и полузабытые уже девяностые годы... Мирослав подарил красноярцам бесценные минуты общения с ним и его супругой, покойной тоже сербской актрисой Майей Димитриевич, он перед смертью успел передать нашему Дому удивительные сборники своих стихов с ещё более удивительными инскриптами. Галина Максимовна подарила нам всю русскую поэзию, которую любила и знала, и сам любимый ею «образ дома в русской культуре двадцатого века»...

Литературовед-славист, переводчик, издатель Андрей Борисович Базилевский. Это уже 2010-е, и именно профессор Базилевский вместе со своими коллегами по Институту мировой литературы

Ж. Н. и В. А. Владишевские, 2010-е гг.

имени А. М. Горького положил первые кирпичики в основание будущего «Касьяновского дома»... Сохранились видеозаписи его приездов в Красноярск, его вдохновенных лекций и первого прихода его в только что переданный нам деревянный особняк на бывшей улице Благовещенской, что на углу с бывшим Архиерейским переулком...

...А когда они уходят от нас, наши любимые друзья и наставники, без них наш Дом пустеет и сиротеет...

Из дальних краёв пришла горькая весть: 26 декабря 2022 года на восемьдесят третьем году жизни умерла Жанна Николаевна Владишевская.

Её имя было известно красноярцам именно в связи с нашим «Касьяновским домом».

Родственница вдовы погибшего за веру на канской земле в 1919 году священномученика Димитрия Неровецкого, она сумела десятилетиями сохранять, а в 2013–2016 годах передать в Красноярск целую коллекцию бесценных предметов, артефактов, реликвий. Это — уникальные личные

и священнические вещи отца Димитрия и его семьи. Пожалуй, ни об одном другом мученике или исповеднике, вошедшем в Собор святых Красноярской митрополии, включая святителя Луку (Войно-Ясенецкого), не собрано теперь нигде в Красноярском крае столько реликвий, столько подлинных предметов, связанных с его жизнью...

Я вспоминаю нашу безмерную радость, когда смотрели мы на них, готовясь в 2017 году к выставке «Третий путь о. Димитрия Неровецкого».

Служебное евангелие с иерейской закладкой, по которому читал будущий мученик евангельские слова своим прихожанам в маленьком Никольском храме в селе Апано-Ключи, где был в 1916–1919 годах настоятелем. Иконы и богослужебные сборники, лампадки и кусочки ладана, не воскуренные когда-то в апанском храме. И множество книг: Чехов, Тютчев, Гоголь, Бунин, Уайльд, Помяловский... — как же широк, однако, был круг чтения семьи рядового сельского батюшки!.. (А что же толковали нам в нашем атеистическом детстве о «безграмотных, недалёких, скарденых служителях культа»?!)

Помнится один из этих переживших всё двадцатое столетие томиков, сборник стихов Ивана Бунина с бережно засушенным между страницами цветком — цветком, которому исполнилось уже более ста лет... И скромные личные вещи отца Димитрия и его жены, чернильница, ручка-вставочка, перья начала двадцатого века. Поделки и рисунки их сыновей. А ещё — документы и фотографии, на двух из них были сняты отец Димитрий и его близкие... Как безнадежно мечтали мы до встречи с Жанной Николаевной увидеть эти фото!..

И, наконец, вещи подлинно для нас уникальные и бесценные — чудом сбережённые ставленнические грамоты отца Димитрия 1909 и 1916 годов...

Всё, всё это сохранено было вопреки жадному и безжалостному двадцатому веку.

Всё это когда-то бережно лежало на полках и в красном углу небольшого служебного дома священника в Апано-Ключах, что в Абанском районе. После мученической кончины священника за веру Христову, бывшей 23 февраля/8 марта 1919 года, все эти предметы вдова его, Евгения Ефремовна Неровецкая (в девичестве — Владишевская), чудом сумела в голодном и холодном 1922-м перевезти через всю страну на его родину (а с ней ведь были тогда ещё и двое малышей, двое осиротевших сыновей отца Димитрия...).

И в самые страшные и непростые для нашей страны времена — в 1930-х, в 1940-х, в 1950-х — всё это Евгения Ефремовна сберегла, тайно сохранила, а потом — потом пришёл черёд нового добровольного хранителя реликвий, Жанны Владишевской, её племянницы...

Обнаружив эти тщательно упакованные вещи в самом незаметном углу чердака в домике, где жила

Димитрий Неровецкий

до смерти вдова отца Димитрия, Жанна Николаевна поняла, что они, видимо, очень дороги были их хозяйке. Вспомнила, как слышала однажды от односельчан Евгении Ефремовны слова о том, что муж её был священником, и священником хорошим и добрым, и что был убит в годы давно уж миновавшей Гражданской войны... И, как она потом сама говорила, «сложила два и два»... Бережно собрала все предметы и так же бережно хранила их потом в своей городской квартире, разбирала, даже реставрировала — «сердцем поняв и уверовав», что придёт однажды ещё их час...

Когда в 2013 году мы завершали работу над книгой об отце Димитрии, обращались с архивными запросами на его родину и об этом написал «Журнал Московской патриархии», Жанна Николаевна сумела разыскать нас через интернет-пространство. Я помню это первое пришедшее до нас её электронное послание: «Если Вы — тот самый Малашин, который пишет книгу об отце Димитрии Неровецком, и если Вам это ещё интересно — у меня сохранились документы, вещи и фотографии отца Димитрия...» — «Да, да, — ответил я с опозданием на целых две недели абсолютно незнакомому мне тогда абоненту. — Да, я — тот самый Малашин, и вот мой электронный адрес, вот мой телефон, вот все мои координаты... Только ответьте, пожалуйста!..»

Началась переписка, начались онлайн-встречи с ней и её покойным ныне супругом Виктором Алексеевичем в скайпе, началась совместная

Послѣ дождя.

I.

Какъ флеромъ даль полей за-
кривъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь ко-
сыми полосами —
И снова глубоко синѣютъ не-
беса
надъ освѣженными полями.

Тепло и влажный блескъ. За-
пахли медомъ ржи,
На солнцѣ бархатомъ пшени-
цы отливаютъ,

— 21 —

Сборник стихов Ивана Бунина

с Жанной Николаевной, длившаяся несколько лет кропотливая работа по поиску всей катастрофически не достававшей тогда для книги об отце Димитрии информации... Благодаря именно её усилиям сумели мы восстановить родословное древо семьи Неровецких-Владисhevских, узнать о достойной судьбе сыновей отца Димитрия, его внуков, правнуков...

А когда через три года книга, наконец, вышла в свет, увеличившись за это время в объёме почти вдвое, Жанна Николаевна сумела донести её до своих земляков, и иконы отца Димитрия появились по благословию священноначалия и на его родине... Она вернула отца Димитрия его потомкам и его землякам... И вот они в нашем архиве, эти фотографии первой службы, совершённой на его родине в день его гибели, 8 марта 2017 года...

Мы переписывались с ней практически каждый день, начиная с того первого неуверенного заочного знакомства осенним вечером 2013 года. И какая удивительная, потрясающая личность нам в ней постепенно открывалась!

Врач-кардиолог, десятилетия жизни отдавшая спасению сердец своих пациентов, она пользовалась безмерным авторитетом и любовью и у своих пациентов, и у своих коллег. Участница афганской войны, добровольно ушедшая туда военврачом. Нежная, верная жена, горячо любящая и прекрасно воспитавшая свою единственную дочку мать, заботливая бабушка... Удивительно светлый, удивительной, пронизывающей доброты человек...

Потомки о. Д. Неровецкого. 1950-е гг.

...Когда работа над книгой подошла к концу, мы уже не могли прекратить с ней переписываться. На стене её квартиры где-то на почётном месте висела теперь архиерейская грамота нашего владыки, рядом стоял на книжной полке пересланный ей из Красноярска томик книги об отце Димитрии, созданной при её участии, и каждый вечер мы включали с ней свою «машину времени», как мы её называли, свою «технику спецсвязи»: она — планшет, я — компьютер, — и тогда-то начиналась она, наша ночная уже почти, бессонная переписка...

Мы рассказывали с ней друг другу обо всём — и обо всех наших больших и малых житейских проблемах, и обо всех больших и малых свершениях, и обо всех увиденных фильмах, и о прочитанных книгах, и о музыке, которую (с разницей в шестнадцать лет) любили в советском детстве нашем, в отрочестве, в юности...

Она была в курсе всех добрых дел в нашей епархии и в нашем «Касьяновском доме», каждый день заходила на наши сайты и страницы в соцсетях и всё надеялась однажды увидеть на них репортаж об открытии главного здания «Касьяновского дома»...

И в какой-то момент, почти в самом начале нашего знакомства, я вдруг начал понимать, что Господь послал мне в её лице того настоящего, подлинного Друга, которого в моей жизни, пожалуй, никогда до того и не было... Дружья (я о настоящих друзьях), конечно, однажды появлялись — и, как правило, так же однажды и уходили... А тут — никогда, ни разу в жизни лично мы с ней

не встречались, только (очень редко, несколько раз за все девять лет) разговор по скайпу да пару раз по телефону. А в основном—письма, письма, письма каждым вечером в соцсетях...

Я нашёл в ней друга, которому можно рассказывать всё без утайки, который поймёт тебя и даст нужный мудрый совет, который будет часами разбирать—с любовью и вниманием—все твои стихи, все твои книги, все твои фильмы... Она помогла мне оглянуться—и увидеть новыми глазами, беспристрастно, и с болью, и с радостью, всю прожитую мною до этого жизнь...

Однажды я рассказал ей про «единокарасцев», которых придумал в одной своей книжке Курт Воннегут. «Это—люди единой породы, люди одного дыхания, которые сразу узнают друг друга при встрече, даже если жили до того на разных континентах...» И мы решили, раз и навсегда, что мы с ней—безусловно, «единокарассны». «Мы с тобой одной крови, ты и я...»—дружно цитировали мы «Маугли»...

И вместе с тем—она, безусловно, была ведущим участником нашего каждодневного диалога... В доброте, в мудрости, в «чувствовании» любого человека на расстоянии я всегда от своей собеседницы отставал, и мне всегда хотелось догнать её... Жанна Николаевна обладала редчайшим человеческим талантом—пробуждать в людях самое лучшее в них, самое светлое...

Я поражался её безукоризненному вкусу, её безукоризненному внутреннему нравственному камертону, безмерному её душевному теплу, которым она готова была одарить тех, кому больше всего на свете это тепло в эту секунду было необходимо...

Умница, интеллигент, бесребреница... Такою ею Господь одарил нас, красноярцев, которые с благодарностью вспоминали и вспоминают её имя...

А для моего маленького внука Никиты она однажды стала (вот так же, на расстоянии, не встречаясь ни разу в жизни) крёстной... И имя своей любимой «крёстной бабы Жанны» названный её внук вспоминал каждый день, и не только тогда, когда приходили от неё с такой любовью, с такой нежностью выбранные подарки...

Все свои новые поделки, все свои первые отметки, все свои маленькие и большие радости он непременно просил передавать—в фотографиях, в аудиописьмах, в электронных текстовых письмах от нас обоих—«любимой бабе Жанне» («Дедушка, а что моя крёстная мне на это скажет, как ты

Ж. Н. Владишевская с коллегами, 2017 г.

думаешь?... А понравится ей этот мой бумажный привет в виде сердечка?..»).

...А сколько книг, подаренных или «посоветованных» для чтения бабой Жанной, мы с внуком за эти несколько лет прочитали... А сколько добрых советов дала она нам... Она стала членом нашей семьи, далёкая—и близкая, такая совсем незнакомая—и такая родная...

Как же я скажу сегодня её дорогому крестнику о том, что случилось, о том, что нет её больше?... Ведь от сознания того, что где-то на свете есть у него любимая крёстная, которая всегда о нём помнит и его любит, становилось малышу легче и надёжнее жить в этом мире...

Как же мы будем жить теперь без Вас, дорогой наш одинокарасец?..

«Будем молиться,—писали мы с ней друг другу, когда на душе становилось вдруг из-за чего-то совсем уж отчаянно тяжело.—Будем молиться—и Господь поможет нам...»

И мы молились... На берегах разных рек, в разных часовых поясах, в разном климате и в разной природе... И Господь всегда помогал нам.

«Господи, упокой душу новопреставленной рабы Твоей Иоанны в селениях с праведными...»—молюсь я вчера и сегодня, и слышу где-то её голос, и верю, что и она слышит нас.

Они навсегда остаются с нами, наши дорогие друзья и близкие люди. Незримые обитатели нашего «Касьяновского дома». Они совсем рядом с нами. В благодарной памяти, в молитвах, в наших добрых делах, о которых теперь уже здесь, на земле, я никогда больше не смогу рассказать ей.

Но Вы всё равно рядом с нами, дорогая наша Жанна Николаевна.

Вы здесь, в наших осиротевших без Вас, дорогой наш кардиолог, сердцах.